

Болгаро-хазарская граница и болгаро-хазарская враждебность с конца VII до середины IX века

http://www.kroraina.com/bulgar/bg_ha_atanas/index.html
(перевод с болгарского)

Георги Атанасов (в: "Българи и хазари през ранното Средновековие", ТанНакРа, София, 2003, стр. 92-113)

Решающим фактором для создания Дунайской Болгарии в конце VII в. считается поражение болгар в болгаро-хазарской войне, вспыхнувшей около смерти кана Кубрата после 60-ых годов VII века. Великая Болгария Кубрата, распространившаяся от Днепра и Волги до Кавказа и Черного моря, распалась и этой огромной территорией начали властвовать хазарские каганы. [1] Это хорошо известные факты, но принципиальный вопрос остается – как всемогущие тогда каганы допустили их наиболее отъявленного противника в войне с болгарами – Аспаруха, расположиться надолго в непосредственной близости до их западных границ. На первый взгляд, кажется, что они были удовлетворены фактом, что Аспарух вывел предводимую ими болгарскую группу (уногондуры) вне некогдашних границ Болгарии Кубрата, т.е. вне новых границ хазарской державы, отказываясь таким образом de iure воевать за отеческое наследство. Нужно отметить, что болгары Батбаяна, которые остались в границах Хазарии (т.е. обитали на своих старых территориях), вопреки принятия верховенства кагана, сохранили известную автономию, которую они развивают в VIII-IX вв. В отличие от Батбаяна, те сыны Кубрата (Аспарух, Алцек и Кубер), которые не допустили даже формального верховенства кагана, ушли со своих старых мест проживания, потому что только так они могли сохранить свою независимость. Явно чувство державственности, которое Кубрат насадил в них, было очень сильным, потому что как минимум двое из них пытаются создать болгарские державы, хотя эта миссия удается только Аспаруху [2].

Симптоматично, что в письменных памятниках нету четких сведений, регистрирующих перманентные военные конфликты вдоль болгаро-хазарской границы. Поэтому можно спросить себя, удовлетворены ли были каганы устранением рода Дуло от некоторых удобных для кочевания территорий, над которыми в течение столетий развевались евразийские империи. Из-за этого, наверное, они не стали всасываться в конфликт с новообразованной, находившейся далеко от степей в устье Дуная, болгарской державой Аспаруха. Но были ли хазарские каганы конца VII и начала VIII в. поистине удовлетворены фактом, что Дунайская Болгария формировалась далеко от границ старой Болгарии Кубрата и что Аспарух юридически отказался от отеческого наследства?

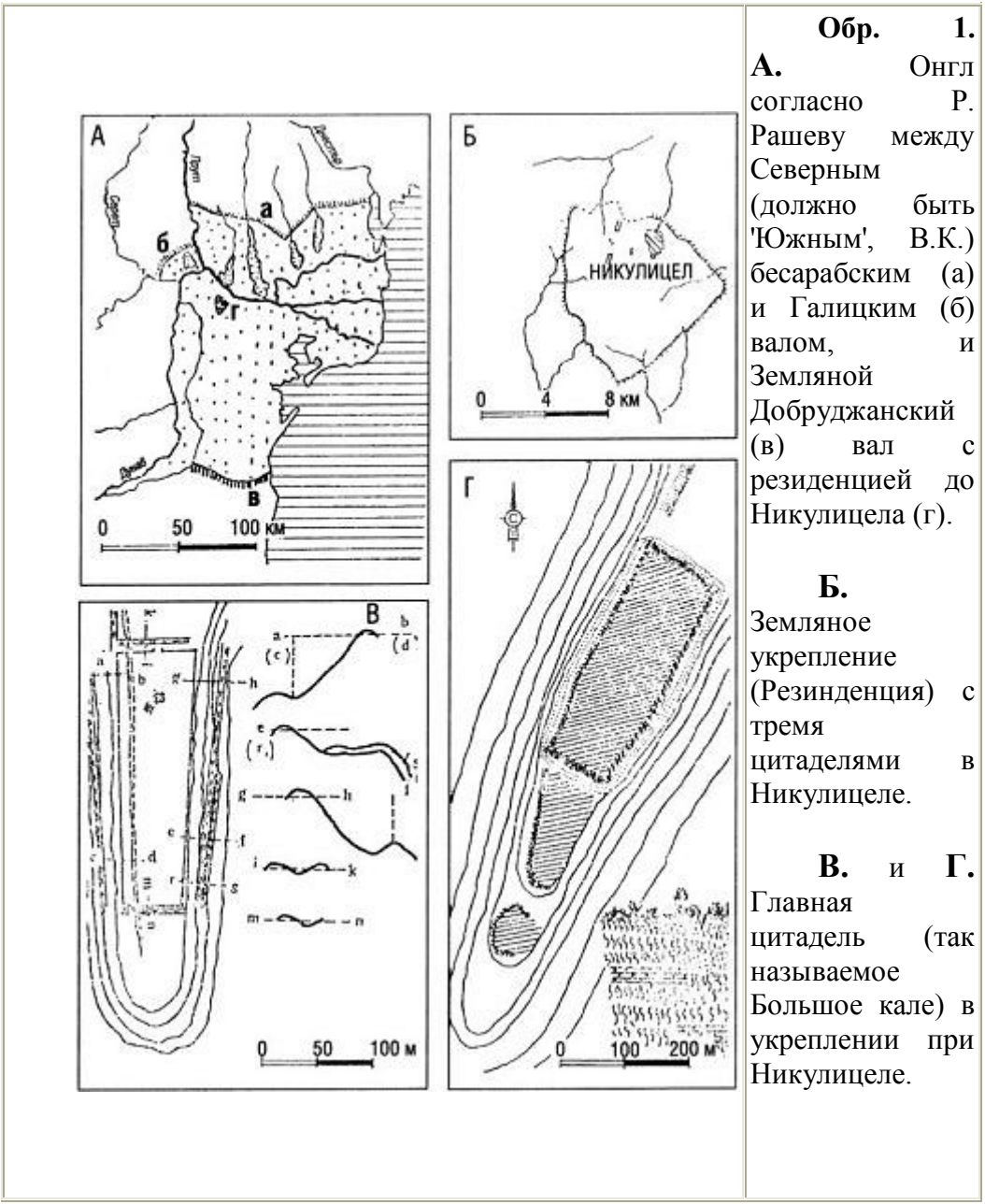
Чтобы ответить на эти вопросы, определенно нужно знать условия, при которых Аспарух ушел с старых территорий – спокойно и не беспокоясь, или в непрерывных арьергардных стычках с преследующей его хазарской конницей? Важно выяснить, установилась ли контактная граница с каганатом, или болгарское государство формировалось на территории достаточно удаленной от хазарской границы.

Если следовать точно письменным источникам, болгарская группа Аспаруха отступала постепенно, в непрерывных битвах с хазарами. Основной источник этих событий – Феофан Исповедник, ясно пишет, что первородный сын Кубрата Батбаян первым испытал хазарский удар. О третьем сыне, Аспарухе, сказано: **“как перешел Днепр и Днестр, более северные чем Дунай реки, и как занял Онглос, заселился между ними и этими реками, потому что**

заметил, что место защищено и трудно для взятия со всех сторон: будучи спереди болотистым, а с других сторон опоясанным как венком реками...” [3] Почти дословно, с незначительными нюансами, повторен этот текст патриархом Никифором и Анастасием Библиотекарем. [4] Сходным образом представлены события в письме хазарского владетеля Иосифа IV испанскому раввину Хасдай ибн Шафруту, написанном в 951-952 г.: “Они (болгары – зам. пер.) побежали (с своих старых земель – зам. моя, Г.А.), а они (хазары – зам. пер.) преследовали их, пока не принудили их перейти большую реку по имени Руна (Дунай – зам. пер.). До сего дня они расположены на реке Руна, вблизи Куштантини (Константинополя – зам. пер.), а хазары завладели их странюю.” [5] Попытки идентифицировать реку Руну с Днестром, Днепром или Доном преднамеренны [6], потому что в цитированной короткой версии письма определенно подсказано, что эта река была вблизи Константинополя, а в пространной версии прямо записано р. Дуна. [7] На фоне столь категорических источников можно принять, что Аспарух установился в Онгле, т.е. в дельте Дуная. Поистине, существуют известные противоречия о локализации Онгла, но без исключения – даже те, кто твердят, что болгаро-хазарская граница проходила по Днепру или по Днестру, ставят Онгл около устья Дуная и никто не уходит севернее Южного бессарабского вала, трассированного в приблизительно сорока километрах севернее Дуная. В этой связи я считаю, что Галицкий вал между Прутом и Серетом можно рассматривать скорее всего как продолжение Южного бессарабского вала в западном направлении, нежели как вполне самостоятельное сооружение (обр. 2. А). Специального внимания заслуживает факт, что местность между Южным бессарабским валом и Дунаем болотиста, насыщена озерами, притоками, каналами и болотами, создающими максимально хороший заслон против хазарской конницы (обр. 2. А). Определенно, нету более удобного места между Доном и Дунаем, где болгары Аспаруха смогли бы укрыться и успешно противостоять превосходящему по численности противнику. Агрессивная хазарская конница, маневренная и эффективная в степи, была заторможенной и уязвимой в этой зоне, которая осталась топкой и до сих пор. Она охватывает обширную территорию между Черным морем и Прутом на западе и между Дунаем и Южным бессарабским валом на севере, т.е. линию связывающую устье реки Когульника (??, 'Когълник') у моря и берег озера Ялпух вблизи Прута (обр. 2. А).

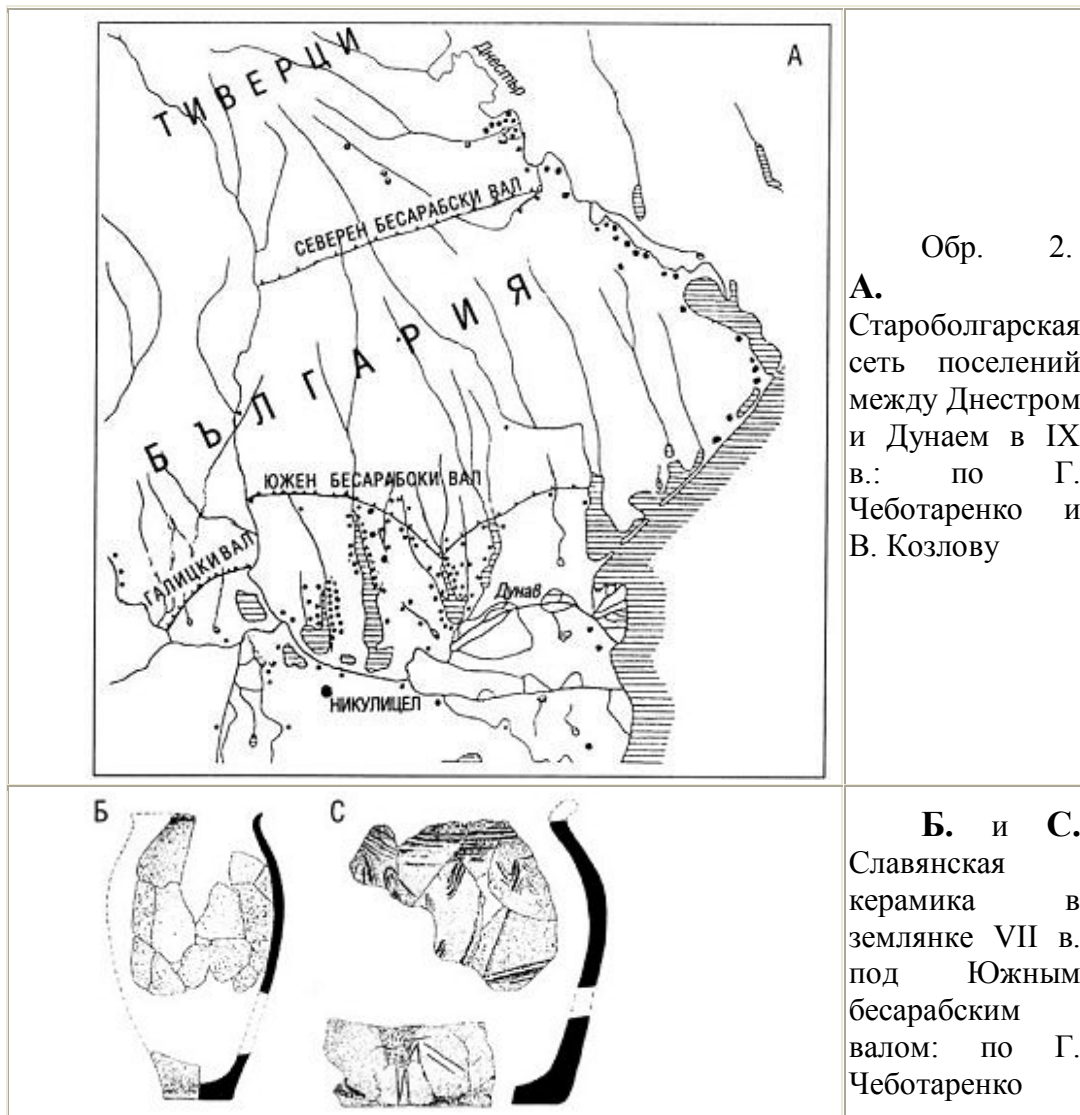
С другой стороны, скорее всего, болгарская группа Аспаруха поистине не была малочисленной, но и самые смелые вычисления предполагают около 100 000 воинов, вместе с членами их семьей. [8] Но даже и это число далеко не достаточно, еще с их приездом в 70-ые годы VII в., уплотнить одну территорию между Днепром (принимаемым за северную границу), Дунаем, Прутом и Черным морем (обр. 3) из 50 000 км, т.е. в половину современной Болгарии. Интересно еще, как бы смогли преследуемые за Кубаном и Доном болгары вдруг остановить хазар на Днепре, и точно там, посреди степи, трассировать границу между Болгарией и Хазарией. [9] В этой связи, пусть еще один раз вспомним написанное Феофаном и Никифором, что преследуемый Аспарух переходит как Днепр так и Днестр, без какого-либо намека о расположении надолго на правом берегу одной из двух рек. Анализируя этот текст, некоторые историки пришли к выводу, что Аспарух почувствовал себя в безопасности только после перехода Днестра и что там была установлена болгаро-хазарская граница в конце VII в. (или даже еще около 660 г.) [10]. Сознательно или нет, однако, упускается факт, что византийские авторы и хазарский владетель Иосиф определяют крайней точкой миграции не Днепр, не Днестр, а единодушно – Дунай. Нужно не забывать и что в этом периоде VII века хазары были на вершине своего могущества, не находились под угрозой с стороны других сил, арабов например, и могли мобилизовать весь свой потенциал и военную мощь против Аспаруха. В конце, после победы при Онгле в 681 году (а видимо и незадолго до этого [11]), Аспарух направил свою энергию к югу от Дуная и быстро достиг Гемуса, что требовало переброски преобладающей части своих подданных на юг, в Добруджу.

Очевидно нет сильных аргументов, исторического и логического естества, подтверждающих гипотезу об остановке хазарского наступления Аспарухом на Днестре (или Днестре).

Еще более спорны попытки защитить такую границу аргументами археологического естества. Внушения, что Северный бессарабский вал и десятки поселений на правом берегу Днестра могут быть связаны с болгарским присутствием еще в VIII в., необоснованны [12] и уже были основательно раскритикованы Рашо Рашевым [13]. Разрезы Северного бессарабского вала не дают никаких ориентиров для датирования [14], а в исследованных поселениях по Днестру нет памятников, показывающих на обитание людей во второй половине VII в. Опубликованные до сих пор керамические комплексы, датированы не раньше чем конец VIII – начало IX в. [15] С другой стороны, между Днестром и Днестром не

зарегистрировано ни одного болгарского поселения (обр. 2. А, 3), что дополнительно ставит под вопрос болгарское присутствие там во второй половине VII в.

На фоне этих идей думаю, что без особого риска можно принять идею Рашо Рашева, что в конце VII в. болгаро-хазарская граница была не по Днепру, не по Днестру, и что болгары Аспаруха установились южнее Южного бессарабского вала [16]. Даже считаю, что границы просто не было – болгары установились в естественно укрепленную Дунайскую дельту и временно отказались оспаривать удобные для кочевания степи к северо-востоку от нее. С другой стороны, характер хазарского хозяйства предполагал группу концентрированных обиталищ (к концу VII и в первой половине VIII в. они продвинулись от Дагестана к Дону) и одну огромную территорию во всех направлениях, которая обслуживала их полукочевую экономию. Границами этой территории служили природно-географические границы, т.е. охватывали всю степь от Урала до Дуная и от Кавказа и Приазовья до лесного пояса на севере [17]. В этом смысле, нету и не возможно ожидать вынесенных вперед на Днестр или на западный берег Днепра хазарских аванпостов в конце VII и начале VIII вв. Только после 834 г. эту роль взяла на себя крепость Саркел на Дону, но тогда уже реалии были совершенно

другими. В конце, в Саркел, судя по всему, был расквартирован гарнизон не из хазар, а печенгов и/или узов с статусом, сходным федератскому [18].

Вне всякого сомнения, что при управлении Аспаруха болгаро-хазарские отношения было подчеркнута враждебными. Даже после подписания мирного договора между Болгарией и Византией в 681 году непосредственная опасность для Болгарии исходила прежде всего с северо-востока, т.е. с Хазарии, нежели с юга, т.е. с Византии. Если верно написанное в Болгарском анонимном апокрифе, что Аспарух был убит в битве с “измаилтянами”, т.е. с хазарами, то можно предполагать периодические стычки [19]. В этом направлении можно делать только осторожные гипотезы, потому что Болгарская летопись была составлена очень поздно (принимается, что она с XI в., но есть факты, которые скорее всего указывают на XIII в. [20]), а византийские и латинские хронисты этого времени редко интересовались взаимоотношениями в варварском мире, за северным рубежом ойкумены и таксиса (цивилизованного порядка), который для них проходил по Дунаю.

Болгаро-хазарская враждебность, без сомнения, продолжалась при приемнике Аспаруха – кане Тервеле (701-721). Об этом свидетельствует “сага” с византийским императором Юстинианом II, кто в 695 г. был детронирован и заточен в Херсонесе на Крымском полуострове. Чрезвычайно изобретательным, однако, он сумел убежать во двор хазарского кагана и дальновидно заключил брак с сестрой кагана. Рассчитывая на помощь хазар, Юстиниан начал разжигать закулисные интриги, чтобы вернуть себе престол в Константинополе. Эти его амбиции не остались скрытыми от нового ромейского василевса Тиберия II (698-705), который потребовал от Хазарии выдачи Юстиниана. Каган, видимо, оценил хорошие взаимоотношения с Империей как более выгодные и перспективные нежели судьба одного изгнанника, хотя и являющегося его зятем, и согласился передать его. Когда он понял это, к концу 704 г. Юстиниан успел сбежать и отправился в Болгарию [21] на корабле. Главной причиной этого его решения являлось болгаро-хазарское противостояние [22]. Поистине, сверженный с престола правитель мог ожидать приема только у правителя, чья внешняя политика была направлена одновременно против каганата и против Византии и кто располагал достаточным ресурсом, чтобы противостоять двум тогдашним суперсилам Восточной Европы. Факт, что Юстиниан был и принят каном Тервелем, показывает еще и то, что Болгария была уже достаточно стабилизированной и не питала того почтения к хазарам, который был характерен для первой половины VII в. Что-то случилось в этом промежутке, что дало смелость Тервелу вести одновременно открытую антихазарскую и антивизантийскую политику. К сожалению, письменные памятники не особенно словоохотливы по этому поводу, но можно допустить, что победа Аспаруха над ромеями в 681 формировала новое самочувствие у болгар. Тем более что последние 20 лет его управления – между 681 и 701 г. увидели ряд стабилизирующих государство действий. Заключено было перспективное соглашение (pakton) со славянами, что привело к резкому увеличению человеческого и хозяйственного потенциала. Освоена была огромная новая территория к югу от Дуная до Балканских гор и от Черного моря до реки Искър, что сделало болгар еще более неуязвимыми при эвентуальной войне с хазарами. Был предпринят ряд действий по обеспечению границ на юге, на западе и на севере против эвентуальных византийских, аварских или хазарских нападений.

Византийские хронисты пишут о переселении племени северов в Восточно-Балканские горы для охраны горных проходов там, но, как уже мы писали, они не интересовались, что происходило в противоположном направлении. Благодаря археологическим раскопкам, мы, однако, знаем о сконструированном оборонительном сооружении, известном как Южный бессарабский вал, о котором шла речь выше [23]. Впечатляет, что этот вал трассирован точно

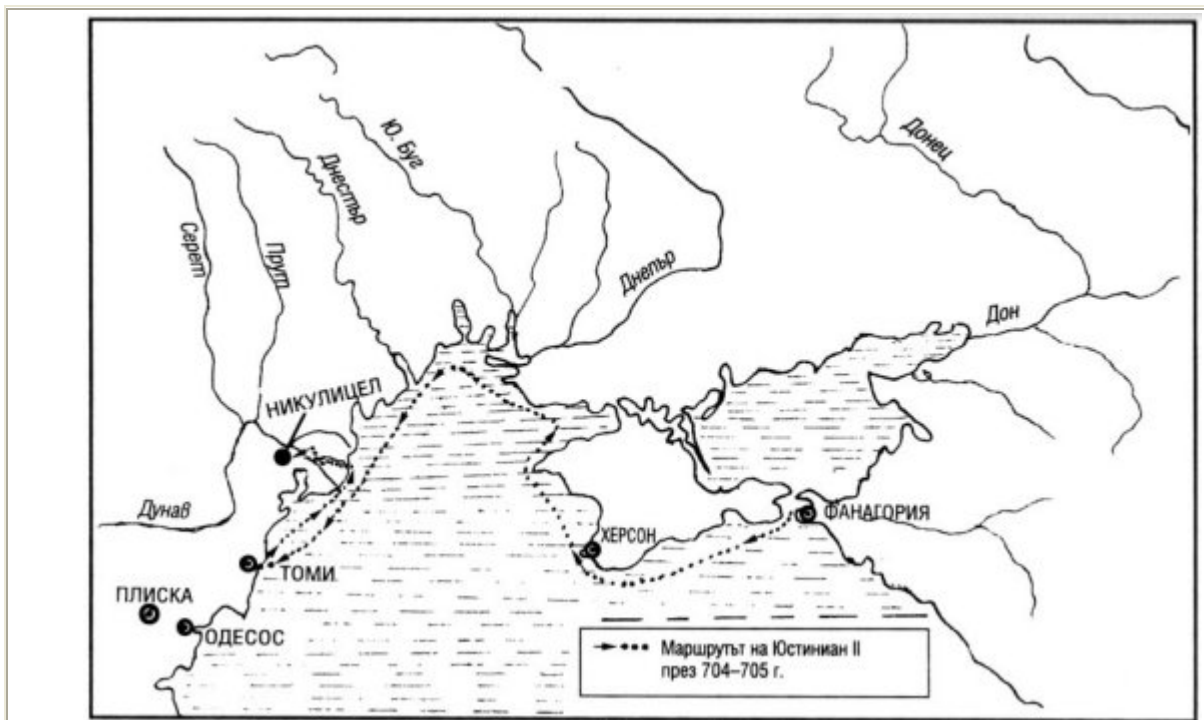
по природно-географической границе между степью и перенасыщенной водными препятствиями зоной, приблизительно 40 км севернее Дуная. Основательны соображения Р. Рашева, что это представляло северную границу Онгла (обр. 2. А). Даже можно предположить, что Южный бессарабский вал означал границу хазарской инвазии и на короткое время *de facto* представлял северную границу новой болгарской державы. Последние археологические исследования дают аргументы в подтверждение этой тезы [24]. В разрезе сооружения под ним были открыты славянские землянки с пражской и пеньковской керамикой VI-VII в., которые являются своеобразной нижней границей сооружения вала (обр. 2. Б, С). Если верно предположение, что это землянки строителей, то Аспарух ангажировал (добровольно, по договору или насильно) этим большим проектом (вал длиной в около 130 км!) славян подопечных территорий. Поистине, при картировании раннеславянских поселений между Днестром и Дунаем видно, что землянки под Южным бессарабским валом стоят изолированно от остальных славянских памятников. Учитывая исторические реалии, установление этого населения, занятого строительством земляного оборонительного сооружения, могло бы произойти только после победы в 681 г. Наверное, перемещения славянских племен происходили не только к югу (для охраны балканских проходов), но к северу, для сооружения оборонительной линии против хазар.

Между прочим, если болгаро-хазарская граница проходила по Днепру или Днестру, то почему первые болгарские владетели не воздвигли подобные сооружения на гораздо более удобных для обороны высоких правых берегах больших рек, а проделали это строительство гораздо южнее своеобразной северной периферии Дунайской дельты? А болгарская практика воздвигать граничные валы приблизительно по простирацию действительных границ государства иллюстрируется строительством Еркесии (граничный вал против Византии между р. Марицей и Черным морем, более 130 км в длину, В.К.) и валов Северо-Западной Болгарии [25].

Получивший хорошее наследство от Аспаруха, Тервель очевидно имел самочувствие противопоставиться хазарскому могуществу. Кроме приема Юстиниана (преследуемого и хазарами и ромеями!), это новое самочувствие иллюстрируется фактом, что летом 705 г. болгарский кан повел всю свою армию на юг, чтобы восстановить Юстиниана на престол, после чего застоялся в течении нескольких месяцев в Константинополе. Если он был уважаем хазарской мощью (а действия Тервела являются своеобразной провокацией против кагана) и при необеспеченном тыле, вряд ли он решился удалиться столь надолго и на таком расстоянии (почти 1000 км) от Дуная. Говорю от Дуная, потому что есть основания думать, что в конце VII и начале VIII в. одна из резиденций болгарских канов находилась на берегу Дуная. В этом направлении В. Гюзелев уже представил любопытные соображения [26], которые я здесь разовью и подкреплю новыми фактами.

Уже стала речь, что в конце 704 г. Юстиниан II, избегая ловушки, готовящейся византийским императором и хазарским каганом, отправился в Болгарию. На первый взгляд, маршрут этого спасительного плавания ясен (обр. 3). Согласно Феофану Исповеднику, после тайного отбытия из Фанагории, корабль попал в страшную бурю и спасся в Томи (сегодняшняя Констанца). После этого Юстиниан и его спутники вернулись на север и успели войти в Дунайскую дельту [27]. Согласно патриарху Никифору беглецы приютились временно в Томи (они видимо причалили в защищенной античной пристани) и сошли в поселение на берегу [28]. После этого они возвратились, войдя в дельту Дуная. Не известно где причалили, но они послали некоего Стефана послом чтобы связался с болгарским каном. Очевидно, что согласно хронистам, планированной конечной точкой плавания являлась Дунайская дельта, но из-за бури они прошли мимо нее и корабль временно нашел приют в

старой пристани Томи. Верно наблюдение, что старого большого римо-византийского города уже не было. На его месте Юстиниан II и его свита увидели одну обычную деревню. Действительно, согласно археологическим раскопкам Томи был разрушен еще в VII в., а в VIII-IX в его пределах вегетировали два небольших поселения [29]. Очевидно, понимая, что они уклонились от курса и от конечной точки их плавания, заговорщики вернулись и в конце концов успели достигнуть своей цели – Дунайскую дельту (обр. 3).

Обр. 3. Северное и Западное Черноморье в VII в. и маршрут Юстиниана II с Фанагории (или Боспора) к резиденции кана Тервела вблизи устья Дуная

Останавливаюсь подробно на этом эпизоде, потому что он имеет прямое отношение к локализации резиденции Тервела и Аспаруха и относится, хотя и косвенно, и к болгаро-хазарским отношениям. Если постоянной и единственной резиденцией болгарских владетелей после 681 г. являлась Плииска, как обычно принимается, то почему Юстиниан II и его спутники пошли на север, а не высадились в Томи?

Даже более логично, если они продолжили бы кораблем на юг и пришли в более защищенном и гораздо более удобном Варненском заливе, т.е. в пристани древнего Одесоса. Тем более, что и Феофан, и Никифор незадолго до описания плавания Юстиниана II, ясно упоминают, что еще в 681 г. Аспарух овладел и Варной [30] ('Варной', согласно этим авторам, называлось место вблизи Одесоса, В.К.) и все грамотные ромеи все таки знали где Томи и где Одесос. В конце, Плииска, для которой однозначно утверждается, что она являлась столицей и Аспаруха и Тервела, находится только в 70 км от Одесоса, в около 170 км от Томи и в целых 300 км от Дунайской дельты (обр. 3)! И вопреки всему, Юстиниан II и его друзья заговорщики ищут контакт с болгарским каном не в направлении Плиски, а в противном направлении – к Дельте. Именно там, однако, находится огромный укрепленный лагерь при Никулицеле с тремя цитаделями (обр. 1), где предполагается, что находилась резиденция Аспаруха до и во время битвы с ромеями в 681 г. [31] В историографии давно взяла верх идея,

что после 681 г. Аспарух перенес столицу в Плиску. На основе хорошо очерченного маршрута Юстиниана II (обр. 3) в поиске контакта с каном Тервелем, гораздо более вероятно, что Никулицельский укрепленный лагерь с главной цитаделью (так названное Большое кале) продолжал исполнять роль первой канской резиденции как минимум до 705 г. Если корабль носотрезанного императора вошел сознательно в дельту, то естественно там и искать резиденцию. С другой стороны, о том что место было не на самом берегу свидетельствует факт, что специальный посол Стефан сошел с корабля и отправился в стан Тервела. Прочее, Никулицельский лагерь поистине находится вблизи дельты и берега Дуная, но все таки удален в приблизительно десяти километрах внутри Добруджи (обр. 1. А-г).

Идея, что главной резиденцией первых двух канов Дунайской Болгарии была в Никулицеле, не находится в противоречии с возможностью, что, обитая Никулицел, Аспарух основал вторую резиденцию в Плиске. Подтверждения в этом отношении находятся в Анонимной болгарской летописи (там утверждается, что Аспарух построил город Плисков) [32] и в археологических исследованиях [33].

Прочее, обычай правителей поддерживать две резиденции засвидетельствован и более поздно. При кане Омуртаге был построен дворец в Дръстьре, что являлся своеобразной второй резиденцией до падения северо-восточной Болгарии под византийскую власть [34]. Остается однако один существенный вопрос: почему после 681 г. Аспарух, а после него и Тервел продолжали пользоваться Никулицелем как основной резиденцией, которая была легитимирована и перед иностранными владельцами. Иначе как бы знал Юстиниан II, что Тервел обитает в резиденции в Дунайском устье, а не, например, в Плиске. Я думаю, что основной причиной являлась продолжающаяся болгаро-хазарская вражда. По-видимому, заключение мира с Византией в 681 г., последовавшие с 691 г. византийско-арабские стычки и защищенные славянами (северами) Балканские горы минимизировали опасность с юга. Авары было омаломощены и находились слишком далеко от болгарских границ, чтобы представлять реальную угрозу с запада. С северо-востока, однако, опасность не прошла, потому что каганат, как сказал, находился на вершине своей мощи и все еще не был ангажирован в другие военные конфликты. Если Аспарух действительно нашел свою смерть в войне с хазарами, то очевидно, острое противопоставление продолжалось десятилетиями и после установления болгар на Нижнем Дунае.

В этом смысле Никулицел являлся оптимальным вариантом для резиденции правителя при тогдашних условиях. С одной стороны, он не был слишком удален от театра конфликта, потому что расстояние до Южного бессарабского вала приблизительно в 40 км, а, с другой стороны, лагерь был достаточно обеспечен против эвентуального поражения и хазарского прорыва – вал (Никулицела, В.К.) был с двойными укреплениями и находился к югу от Дуная, одного из самых трудных для форсирования водяных препятствий в Европе.

Трудно оценить, когда болгарские каны покинули Никулицел и превратили Плиску из второй (“резервной столицы”) в главную свою резиденцию. Я думаю, что это произошло, скорее всего, после отступления хазарской угрозы и сдвига болгаро-хазарской границы далеко на северо-восток. Это, может быть, стало фактом еще во времена правления Тервела, но во всяком случае – после 705 г. С одной стороны, Тервел приобрел исключительно высокую легитимность после восстановления на престоле Юстиниана II, которым он был удостоен титулом “кесарь” (первый иностранный владелец ставший кесарем ромеев) и кесарским инсигниями, а не исключено и византийской принцессой (дочерью Юстиниана II?) в супругу [35]. После этой существенной перемены болгарскому владельцу приходилось следить более пристально за событиями в Константинополе. Как-то не подходило одному

кесарю ромеев жить в шатре, за земляными окопами и рвами. В этой линии рассуждений, не исключено, что каменное строительство в Плиске связано с сооружением подобающей резиденции (с византийским участием) внутри уже существующего там лагеря, которая была бы достойна одного византийского кесаря и его знатной супруги.

	
<p>Свинцовая печать (моливдовул) Тервела с нач. VIII в.</p>	<p>"У Тервела полусферический шлем кесаря (kamelaukion), декорированный кесарской диадемой (stephanos), золотая кольчуга, копье с золотым верхом и сагион". (из Г. Атанасов, "Инсигнии на средновековните български владетели", 1999) На щите изображение всадника, поражающего животное в ногах лошади.</p>

С другой стороны, смена резиденции правителя вряд ли реализовалась бы если бы хазары продолжали свое агрессивное поведение против Болгарии. С улучшением византийско-хазарских отношений после восстановления трона Юстинианом II и при отличных болгаро-византийских отношениях, естественно ожидать стихания и полувекового болгаро-хазарского конфликта. Тем более, что супруга Юстиниана II, уже императрица в Константинополе, являлась сестрой самого кагана Авузира, а с другой стороны, вероятно, что супругой Тервела стала дочь Юстиниана от его первого брака. Если верить сведению Анонимной хроники VIII в., что Юстиниан II принял кана Тервела и кагана Ивузира в Константинополе, в базилике с позолоченной крышей [36], то не исключено поистине временного потепления отношений.

Как ни интересен этот эпизод, он вряд ли был решающим для урегулирования болгаро-хазарского конфликта. Тем более, что скоро после этого хазарский каган переменял свою политику к Юстиниану II и косвенно содействовал его повторному снятию с престола в 711 г. Поэтому стабильное удаление хазарской опасности с болгарских границ нужно искать в другом направлении и особенно в начатой в 706 г. продолжительной арабо-хазарской войны. В сущности арабы активизировали в Закавказье еще в 705 г., а в следующем году Маслама завладел сегодняшним Азербайджаном и атаковал хазар при Дербенде. Гораздо более ужесточенной была арабская инвазия 708-709 гг., которая сделала конфликт необратимым и довела Хазарию до огромных потерь и тяжелых поражений [37]. Именно в этой войне, ангажировавшей на десятилетия весь потенциал каганата я вижу главную причину для конца хазарской угрозы на болгарской северо-восточной границе.

После 705-707 г. Тервель уже мог спокойно покинуть Никулицел и окончательно установиться в Плиске. Таким образом он находился ближе к болгаро-византийской границе и к Константинополю, где делалась большая политика. Кроме того, изнуряющие для хазар

сражения в Кавказе предоставили возможность своеобразной реконквисты канов в направлении старых территорий. Может быть это началось еще при Тервеле, который мог без особого сопротивления “продвинуть” северо-восточную границу на безопасное расстояние от Дуная, т.е. далеко за Южным бессарабским валом. Определенно, в течении более века Днестр стал северо-восточной границей Болгарии, но не ясно, когда создались староболгарские поселения на правом берегу. Не исключено, что первые аванпосты были установлены при Тервеле, но в целом структура из приблизительно 40 поселений и одного укрепления при Калфе (обр. 2. А) сформировалась к концу VIII – началу IX в. [38] Действительно, к началу VIII в. Болгария все еще не располагала таким человеческим потенциалом, чтобы уплотнить огромное пространство между Черным морем, Искъром и Южным бессарабским валом, а тем более, колонизировать территорию между Днестром и Серетом.

Не менее противоречива ситуация к концу VIII – началу IX в., когда согласно археологическим исследованиям почти одновременно возникают множество поселений на правом берегу Днестра. Болгарские каны уже владели огромными территориями на Балканском полуострове и вряд ли в этих условиях наиболее необходимой была колонизация далекой границы на Днестре. Поэтому я соглашаюсь с теми историками, которые отвергают теорию колонизации в направлении от Дуная к Днестру и принимают, что новая возникшая система поселений – результат гражданской войны в Хазарском каганате в начале IX в. [39] Тогда преследованию подверглись те подданные кагана, которые отказали принять иудейство. Согласно археологическим исследованиям хазары разрушили болгарские поселения и это привело к эмиграции уцелевших в направлении Волжской и Дунайской Болгарий. [40] Есть все основания предполагать, что смерть болгарского военачальника Корсиса на Днепре, упомянутая в одной каменной надписи времени кана Омуртага (814-831), связывается с этими событиями. [41] Может быть, болгарский полководец перехватил хазар, преследовавших уходивших с каганата в направлении Дунайской Болгарии болгар именно на Днепре. Есть предположение, что точно это население, ушедшее с каганата по время гражданской войны в начале IX в., установилось на правом берегу Днестра и формировало структуру из около 40 поселений и одного укрепления при Калфе (обр. 2. А) [42]. Таким образом, граница на Днестре была надежно защищена, а между Днестром и Днестром установилась “демилитаризованная” зона между Болгарией и Хазарией, ничья земля, в которой до сих пор не открыто ни одного стационарного поселения от VII до XI в. – было оно болгарским, хазарским или древнерусским [43].

Безосновательны попытки датировать к концу IX-X веку земляное укрепление при Калфе [44], потому что к этому времени в Болгарии земляные укрепления массово покидаются и на их месте строятся каменные крепости. Иначе система земляных укреплений характерна для языческого периода – VIII-начала IX вв., т.е. точно тогда, когда болгары установились на Днестре [45].

Каждый исследователь, который ставит перед собою задачу выяснить болгаро-хазарские отношения после Тервела после столкновения во времена Омуртага, когда был убит военачальник Корсис, остается в большом затруднении. Тяжелые поражения, нанесенные каганатом арабской инвазией первой половины VIII в. и последующее в конце VIII в. восстание христиан в Крыму не дают возможности для более активной политики далеко на запад [46].

В то же время (до управления кана Кардама) Болгария переживает острый внутренний кризис, связанный с частой сменой владельцев и продолжительными войнами с Византией. Это исключало активную политику в северо-восточном направлении. В этом смысле нельзя

ожидать серьезных контактов или столкновений между болгарами и хазарами. Болгария, может быть, поддерживала какие-то наблюдательные посты по Днестру, но в целом, на одной огромной территории – между Южным бессарабским валом и Северским Донцом (после арабского нашествия между Доном и Донцом сформировалась густая сеть укреплений и поселений), в VIII в. не зарегистрированы стационарные памятники.

Вражда между двумя государствами вспыхнула снова в связи с хазарскими выступлениями над болгарами, которые обитали как подданные кагана на территории около р. Донец или в Приазовье, с которыми связываются степные памятники Салтово-маяцкой культуры [47]. После того как это население эмигрировало в границы Дунайской Болгарии, по-видимому, активные стычки заглохли сами собой. Главной причиной было то, что точно тогда между Доном и Днестром устроились маджары и пегенеги [48], которые естественным образом положили конец и без того размытой болгаро-хазарской контактной зоны.

Замечания:

1. Артамонов, М.И. История Хазар. Ленинград, 1962, с. 160 сл.; Петров, П., Образование на българската държава. С., 1981, с. 123 сл.; Димитров, Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна, 1987, с. 101 сл.

2. Бешевлиев, В. Първобългари. С., 1984, с. 46 сл.; По въпроса за Алциок-Алцеко. – ИИМВ, 20, 1984, 29-35; Тъпкова-Заимова, В. България на Аспарух и България на Кубер. – ВИС, 5, 1980, 47-56; Поповић, Вл. Куврат, Кубер и Аспарух. – Старинар, XXXVII, 1986, с. 106; Петров, П. Цит. соч., с. 132 сл.

3. Theophanes. Chronographia, p. 357 = ГИБИ, III, с. 262.

4. Nicephorus. Opuscula historica, p. 33 = ГИБИ, III, с. 295; Anastasius Bibliothecarius. Chronographia tripartita, p. 266 = ЛИБИ, II, с. 248.

5. Коковцов, П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Ленинград, 1932, с. 75.

6. Димитров, Хр. Болгария и хазары в VII-VIII веках. – ВНР, 2, 1989, с. 53 с цитированными мнениями по вопросу.

7. Коковцов, П. К. Цит. соч., с. 92.

8. Димитров, Д. Цит. соч., 185-191; Божилов, Ив., Хр. Димитров. Protobulgarica (Заметки по истории протоболгар до середины IX в.). – Byzantinobulgarica, IX, 1995, с. 36.

9. Коледаров, П. Политическа география на средновековната българска държава. I. С., 1979, с. 26; Петров, П. Цит. соч., с. 146; Божилов, Ив. Анонимът на Хазе. България и Византия на Долния Дунав в края на X в. С., 1979, 88-91; Димитров, Д. Цит. соч., с. 238.

10. Димитров, Хр. Цит. соч., с. 53.

11. Рашев, Р. Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII-XI в.). Варна, 1982, 20-32.

12. Божилов, Ив. Цит. соч., 90-97; Димитров, Хр. Цит. соч., с. 54.

13. Рашев, Р. Североизточната археологическа граница на Първото българско царство. – В: Българите в Северното Черноморие, 4, 1995, 89-95.

14. Чеботаренко, Г. Ф. Траяновы валы. – Добруджа, 14-16, 1997-1999, с. 67.
15. Козлов, В. И. Към въпроса за хронологията на паметниците от североизточната провинция на Първото българско царство. – В: Българите в Северното Причерноморие, 5, 1992, 108-115; Рашев, Р. Североизточната граница ..., 89-95.
16. Рашев, Р. Старобългарски..., с. 74, 77; Българската езическа култура през VII-X век (Автореферат дисертации о присуждении научной степени „Доктор исторических наук“). С., 2001, 5-6.
17. Артамонов, М. И. Цит. соч., с. 8 сл.; Плетнева, С. А. От кочевий к городам. – МИА, № 142, 1967; Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва, 1981, 5-6, 237 сл.
18. Артамонов, М. И. Саркел - Белая Вежа. – МИА, № 62, 1958, 7-9, 77.
19. Дуйчев, Ив. Едно легендарно сведение за Аспарух. – В: Българско средновековие. С., 1972, 130-132. Забележително то, что и в Анонимной летописи начальной точкой смерти Аспаруха (респективно битвы с хазарами) указывается Дунай, а не Днепр или Днестр.
20. Diaconu. P Carbona, Carvuna, la contree de Carvouna. – Dacia, XXXVIII. 1993, 301-303.
21. Острогорски, Г. История на Византийската държава. С., 1998, 205-209.
22. Димитров, Хр. Цит. соч., 57-62.
23. Рашев, Р. Старобългарски..., с. 28; Чеботаренко, Г. Ф. Цит. соч., 67-70.
24. Чеботаренко, Г. Ф. Цит. соч., 67-70.
25. Рашев, Р. Старобългарски..., 121-125.
26. Гюзелев, В. Отново за столиците на средновековна България. - В: Studia protobulgarica et mediaevalia europensia. В чест на проф. Веселин Бешевлиев. В. Търново, 1993, 3-4.
27. ГИБИ, III, с. 266.
28. ГИБИ, III, 297-298.
29. Cîrgan, C. Ceramica epoca feudala timpurie descoperita teritoriul orasul Constanta – Pontica, II, 1970, 373-393.
30. ГИБИ, III, с. 263.
31. Рашев, Р. Старобългарски..., 27-32, табл. I.
32. Дуйчев, Ив. Цит. соч., с. 130.
33. Рашев, Р. Най-ранният строителен период в центъра на Плиска. – ИНМШ, 8, 1993, 252-262; Плисковският аул. – Плиска-Преслав, 7, 1995, 10-22.
34. Бешевлиев, В. Първобългарски надписи. Второе переработанное и дополненное издание. С., 1992, № 56.
35. Атанасов, Г. Инсигниите на средновековните български владетели. С., 1999, 35-46.
36. ГИБИ, III, с. 224.

37. Артамонов, М. И. История хазар, с. 202 сл.
38. Козлов, В. И. Цит. соч., 109-122.
39. Артамонов, М. И. История хазар, с. 324 сл.
40. Артамонов, М. И. История хазар, 324-330; Димитров, Д. Цит. соч., с. 272.
41. Bozilov, Iv. One of Omurtag's Memorial Inscriptions. – BHR, 1, 1973, 72-76.
42. Смиленко, А. Т., А. А. Козловский. Средневековые поселения в приморской части Днестро-Дунайского междуречья. – В: Днестро-Дунайское междуречье в I - начале II тыс. н.э. Киев, 1987, 74-75.
43. Рашев, Р. Североизточната археологическа..., с. 95; Българската езическа..., с. 6; Атанасов, Г. Нов поглед към демографските и етнокултурните промени в Добруджа през средновековието. – В: Изследвания в чест на 70-годишнината на чл.-кор. проф. Страшимир Димитров. С., 2001, 88-190.
44. Чеботаренко. Г. Ф. Калфа - городище VIII-X вв. на Днестре. Кишинев, 1973, 13-28.
45. Рашев, Р. Старобългарски..., 121-125.
46. Артамонов, М. И. История хазар, с. 253 сл.
47. Плетнева, С. А. Цит. соч., с. 188; Димитров, Д. Цит. соч., 130-132.
48. Артамонов, М. И. История хазар, 343-347; Bozilov, Iv. Op. cit., 72-76; Димитров, Хр. Българо-унгарски отношения през средновековието. С., 1998, 21-28.